

ВЫСТАВКИ

И К И Н О,
И Ж И В О П И С Ь

СРАВНИТЕЛЬНО небольшая по размеру экспозиция произведений М. Н. Ромадина в Союзе кинематографистов СССР вызвала интерес профессионалов и любителей изобразительного искусства: наряду с уже знакомыми эскизами к фильмам «Первый учитель», «Поздняя любовь», «Не было ветру», «Солярис» и др. художник представил и самые последние свои работы: живопись, книжную графику.

Выпускник художественного факультета ВГИКа Ромадин начинал с кинематографа: вместе со своими единомышленниками Андреем Тарковским, Георгием Рербергом, Вадимом Юсовым он участвовал в создании фильмов, редких по степени внимания к пластике. Эти киноработы восхищали острой выразительностью, глубоким проникновением в суть драматургии. Ромадинские декорации обретали язык и были не менее красноречивы, чем актеры или камера.

Сегодня Ромадин тяготеет больше к живописи и книжной иллюстрации. Если кинематограф, театр были для художника в определенной степени пробой сил в разных пластических искусствах, осмыслением жизненных ситуаций многообразными изобразительными средствами и в конечном счете периодом становления творческого метода, то сегодняшнее пристальное внимание Ромадина к живописи свидетельствует о его профессиональной зрелости.

Картины Ромадина редко поддаются буквальному истолкованию. Обнаженная женщина идет среди людей, закутанных в мрачные черные плащи; никто не обращает на нее внимания (картина «Страшный сон»). Это шокирующее сочетание каждый зритель расшифрует по-своему, сообразно с личным опытом, образом мыслей: как некий пластический символ одиночества, незащищенности, беспомощности, отчаяния.

Неоднозначно для понимания и другое полотно: большое, полное воды ведро, отливающее холодным металлическим блеском, висит над бездонным колодезем; два осенних кленовых листа, падающих в его глубину, уводят взгляд в загадочную темноту (картина «Колодец»). О чем она? О бесконечной тайне жизни? О вечно манящем властном искусстве? Восхищает скрупулезная тщательность, с которой Ромадин выписывает теплую, многогранную фактуру деревянных поленьев, каждую прожилку многоцветных увядающих листьев, чуть запотевшую поверхность ведра со студеной колодезной влагой. В этой бережной точности художника прочитывается умение в малом, частном увидеть всю разносторонность бытия.

ГОВОРЯ об эмоциональном и изобразительном накале полотен Ромадина, прежде всего хочется назвать картину «Битва». Размышления автора об истории страны навеяны летописными рассказами о Куликовском сражении, поэтому картина так естественно влилась в серию произведений советских художников, созданных к 600-летию великой битвы. Значительное по размеру живописное полотно, напоминающее издалека декоративное панно, кажется, изображает не какой-то конкретный бой, а некий художественный символ войны вообще. Художник использует в картине так называемую «брейгелевскую» перспективу, словно приподнимающую зрителя и создающую впечатление полета над полем брани.

К верхней точке зрения, дающей возможность охватить одним взглядом большое пространство, Ромадин прибег и в диптихе «Лица». Это, может быть, одно из наиболее философски наполненных и сложных произведений художника.

В ткань «портретной галереи» диптиха «Лица» включены два образа: Джоконда и Мэрилин Монро. Изобразительные цитаты в творчестве Ромадина — тема, достойная отдельного разговора. В «Лицах» два мифа культуры нашего времени сосуществуют на равных с современниками художника. Неожиданное соседство напоминает как о загадочности искусства, так и о его трагичности.

Тот же принцип соединения в одном пространстве и времени явлений культуры и искусства разных эпох и народов использован художником в иллюстрациях к сказке известного итальянского драматурга Тонино Гуэрры (соавтора сценариев Ф. Феллини, М. Антониони) «Лев с белой бородой», которая скоро выйдет в миланском издательстве «Эмме». На выставке представлены как авторские оригиналы, так и их готовые типографские оттиски, что дает представление о качестве итальянской книжной печати.

— Иллюстрации, — рассказывает Ромадин, — создавались не строго по тексту сказки. Здесь нашли отражение наши беседы с Тонино.

А рядом — современные мастера искусства и сам художник. И тут же «Венера» Боттичелли. Москва смешивается с Римом, и ничто не мешает фонарям Тверского бульвара соседствовать с Пизанской «падающей» башней. Тема сопереживания искусств различных стран и эпох здесь выступает в своем игровом варианте. Юмору и очистительной силе смеха М. Ромадин придает большое значение в своем творчестве, и даже в серьезных картинах художника можно заметить его легкую улыбку.

И. СВЕТЛОВА.